ДВАДЦАТЬ ДВА НЕСЧАСТЬЯ 18

ВТОРОЙ СЕЗОН

СУГРАЛИНОВ Д.
ФОНД А.

18+

Данияр Сугралинов

Двадцать два несчастья. Книга 18

«Автор»
«Автор»
2026

Сугралинов Д.

Двадцать два несчастья. Книга 18 / Д. Сугралинов — «Автор», «Автор», 2026

Переиначивая одного небезызвестного классика, все происходящее бодро укладывалось в одну строфу: было это, али нет, погасив на кухне свет, наш Серега резво смылся после дождичка в четвергА чтобы решить столь простую математическую задачку, как разрулить двадцать два несчастья, нужно либо сдаться на милость судьбы, либо устроить такой переполох, чтобы она сама пожалела, что связалась с Серегой.

© Сугралинов Д., 2026
© Автор, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Фонд А., Данияр Сугралинов
Двадцать два несчастья. Книга 18

Глава 1

В среду одиннадцатого марта две тысячи двадцать шестого года у ворот моркинского санатория «Лесная сказка» меня дожидался Филатов. Он стоял возле прогретой машины и терпеливо смотрел, как я иду к нему по аллее. Почему-то я отчетливо запомнил эту дату и тяжко вздохнул.

Никогда бы даже не подумал, что придется всерьез решать, как сбежать от собственного водителя. Причем, что особенно примечательно, водитель этот был отнюдь не мой, а приставленный ко мне фондом. И, судя по всему, товарищ Филатов к своим обязанностям решил подойти со всей ответственностью, как говорится, с огоньком.

В прошлой жизни меня убили, в этой — приставили надзирателя. Прогресс, однако. Интересно, что будет в следующей?

С этой мыслью я сел в машину, и Филатов, врубив навигатор, повез нас в больницу. Но не успели мы выехать за ворота, как позвонил Елисей.

— Серега! — закричал он так громко и радостно, что я отодвинул телефон подальше от уха. — Слушай, ты сегодня сможешь заскочить к нам в дом престарелых?

— А что случилось? — спросил я.

— Да не, ниче такого. Просто я тут перебирал карточки, ну, которые ты просил, и хочу показать, что получилось. И еще такая вот фигня, короче. Такое впечатление, что в нашу базу с карточками кто-то пытался влезть. Словно хакерский взлом был. Но ничего сделать с нашими кондовыми компьютерами они не смогли и, что характерно, ничего не испортили. Но ты все равно должен посмотреть на это…

— Посмотрю, — сказал я. — Я сейчас в райбольницу к Лиде, а от нее сразу к тебе. Жди.

Лиду я нашел в маленьком кабинете рядом с регистратурой. На столе, на подоконнике и на двух стульях лежали стопки больничных карт, перетянутые резинками, а на каждой стопке сверху был приклеен листок с фамилией, написанной ее крупным круглым почерком.

— Сергей Николаевич! — обрадовалась она, поднимаясь мне навстречу. — Вот, все двадцать. Еле нашла. Половина в архиве была, в подвале, а там лампочка не горит, я с фонариком лазила.

На рукаве ее халата и правда темнела пыльная полоса.

— Лида, вы когда это все успели?

— Да вчера после смены осталась. Муж звонит, говорит, ты где, а я в подвале со старичками нашими. — Она засмеялась. — Он решил, что я в морге. Ну ничего, переживет. Я тут еще кое-что заметила, пока раскладывала. Посмотрите, Сергей Николаевич.

Она взяла верхнюю стопку и, найдя закладку, раскрыла карту.

— Вот, у одной бабушки в феврале кардиолог из Йошкар-Олы статин назначил. Она к нему по направлению ездила. А в листе из пансионата статина нет. И вот еще, у одного дедушки в январе пневмония была, он у нас десять дней лежал. А первый анализ по вашей программе у него взяли через неделю после выписки. Это же, наверное, тоже важно?

Взяв карту, я прочел запись кардиолога. Конечно важно! Статин снижает тот самый белок воспаления, по которому мы судили об улучшении, а пневмония его, наоборот, задирает. Получалось, что у бабушки анализ мог улучшиться от таблетки, а у дедушки первый анализ пришелся на остатки болезни.

— Лида, вы молодец, — от души сказал я.

— Да ладно вам, Сергей Николаевич, — смущенно отмахнулась Лида, поправляя резинку на стопке. — Вы лучше скажите, что дальше делать.

— Дальше вот что. По картам видно, что старикам назначали врачи. А что они пьют на самом деле, мы увидим только в пансионате, у них в тумбочках. Собирайте карты, поедете со мной. Кстати, как там наша Зинаида Петровна?

— Получше. Анализ крови ей повторили, и обмен железа уже готов. Пойдемте, сами посмотрите.

Зинаида Петровна сидела на кровати, свесив ноги, и читала, кажется, ту же самую газету. Выглядела она чуть лучше, чем вчера, но руки по-прежнему подрагивали.

— А Лидочка у меня таблетки забрала, — наябедничала Зинаида Петровна. — Все до одной. Говорит, здесь вам дадут, что надо.

— И правильно сделала, — сказал я, садясь на стул у кровати. — Как спали?

— Да как в больнице спят, Сергей Николаевич. Соседка храпит, как трактор. А голова уже меньше кружится, вот.

Лида протянула мне бланки утреннего анализа крови и обмена железа. Ферритин и железо оказались низкими, значит, все-таки железодефицит. Кал на скрытую кровь сдали, результат обещали завтра, а гастроскопию дежурный врач поставил на пятницу.

Осмотрев Зинаиду Петровну, я включил диагностику и отдельно запросил химико-токсикологический анализ.

Диагностика завершена.

Объект: Зинаида Петровна, 78 лет.

Основные показатели: температура 36,5 °С, ЧСС 90, АД 112/68, ЧДД 18.

Обнаружены аномалии:

— Анемия: гемоглобин 93 г/л.

— Ортостатическая гипотензия.

— Остеоартроз коленных суставов.

— Признаков продолжающегося кровотечения не выявлено.

Токсикологический анализ завершен.

Обнаружено вещество:

— «Мелоксикам» (концентрация ниже терапевтической).

Остаток последних таблеток, не больше. В листе назначений мелоксикама тоже не значилось. А теряла ли она кровь раньше и виноват ли в этом мелоксикам, покажет гастроскопия. Потом я открыл «Сопоставление случаев» и внес новый анализ.

Сопоставление случаев. Повторное личное наблюдение сохранено.

Гемоглобин ниже нормы. Изменение за сутки в пределах погрешности анализа.

Для сопоставления требуется третье личное наблюдение.

— Зинаида Петровна, а бывает, что колено у вас болит каждый день? — спросил я.

— Бывает, — подумав, сказала она. — Перед метелью особенно. Вот в феврале как метели пошли, так оно у меня и разнылось.

— И вы тогда пили таблетки каждый день?

— Да когда как. Когда по одной, когда по две, если совсем невмоготу.

— А сколько дней подряд по две?

Зинаида Петровна развела руками.

— Ой, Сергей Николаевич, кто ж это считает-то.

Так я и записал в карту.

— А я ведь вам всю науку испорчу, да? — спросила Зинаида Петровна, пока я писал.

— Наоборот, Зинаида Петровна. Если бы не ваш пакет с таблетками, я бы не догадался заглянуть в тумбочки к остальным.

Зинаида Петровна польщенно заулыбалась…

В пансионат мы поехали втроем, Лида на заднем сиденье с двумя пакетами карт на коленях. Филатов высадил нас у крыльца и остался в машине. Мои больнично-исследовательские дела, казалось, его интересовали постольку-поскольку, главное, чтобы я не сбежал. И это напрягло еще больше, учитывая мои планы слинять из-под надзора фонда как можно дальше.

В кабинете руководителя нас встретил, как всегда, лучезарно-лопоухий Елисей Ротонос, и мое настроение чуток поднялось. Стол его был густо завален медицинскими картами, на компьютере светились какие-то таблички и гусеницы диаграмм.

— Слушай, Серега, — зачастил Елисей. — Ты гля на вот эти показатели, как оно скачет, собака! И еще обрати внимание…

— Подожди, подожди, Елисей, — перебил его я. — Сначала про взлом. Что именно ты увидел?

— Да вот. — Он развернул ко мне монитор. — Журнал входов. Три ночи подряд кто-то подбирал пароль к нашей базе с карточками. Что интересно, айпишник не скрыт, и адрес чужой, не из района. Так и не вошел.

— Точно не вошел?

— Точно. В журнале одни отказы, ни одного удачного входа. Я потом на всякий случай еще и карточки с бумажными сверил, все записи на месте.

Слухи о продаже санатория, проверка в пятницу, а теперь еще и это. Похоже, фонд решил заглянуть в анализы наших стариков раньше, чем я принесу их совету.

— Распечатай этот журнал и сделай копию базы на флешку, — попросил я. — А флешку отдай Лиде, пусть лежит у нее в больнице.

— Думаешь, еще полезут? — нахмурился Елисей.

— Полезут. Поэтому пусть копия лежит там, где ее искать не станут.

Лида понятливо кивнула и принялась раскладывать свои стопки на подоконнике.

— И еще одно, пока не забыл в такой суете, — сказал я. — Я в воскресенье говорил про тебя с Петровым-Чхве.

Елисей удивился и обрадовался одновременно:

— А что про меня?

— А то, что руководителя у тебя теперь нет, и не по твоей вине.

— Уже в курсе… — помрачнел Елисей. — Мария Сергеевна написала вчера, как раз думал с тобой обсудить, что мне делать.

— Вот что. Я к Петрову-Чхве заявление написал, а заодно попросил и за тебя. Он сказал, что готов на тебя посмотреть.

— Блин, я уже как тот аспирант-кочевник, — невесело пошутил Елисей и ошарашенно почесал затылок. — Коня только завести осталось и юрту. Иван Чиминович же старый, я уже заранее боюсь, что мой переход к нему добром не закончится. Все те, к кому я попадаю, заканчивают не очень хорошо. Лысоткин умер, Мария Сергеевна уезжает, остался Петров-Чхве. Интересно, сколько мне надо пройти научных руководителей, чтобы в институте пришлось набирать новый штат?

— Елисей, это все совпадение, — усмехнулся я. — Все будет нормально. В общем, тебе надо связаться с ним лично.

На лицо Елисея набежала тень:

— Серег, это что, получается, мне в Москву ехать надо?

— Для начала позвонить. А потом, скорее всего, придется и съездить показаться.

— Слушай, ну я ведь сейчас не могу, — закручинился он, и его оттопыренные уши приобрели нежно-розовый цвет.

— Почему это? — удивился я.

— Ну так Венера же у меня. Срок маленький совсем, а она после зимы еще толком не оправилась. Ты ведь сам понимаешь, ну вот как я могу ее здесь, в этой деревне, одну оставить?

А вдруг, не дай бог, что-то? Тьфу-тьфу-тьфу. — Он пугливо постучал по столу костяшками пальцев.

— Слушай, да не грузись ты наперед, — попытался успокоить его я.

Но Елисей меня перебил и взахлеб заговорил:

— Нет, нет, Серег, ты не подумай, я очень благодарен и тебе, и Марии Сергеевне, и Петрову-Чхве. Правда, правда. Но понимаешь, если мне сейчас надо будет выбирать между научной работой и Венерой, то уж лучше я аспирантуру брошу.

А у меня при этих словах в груди разлилось какое-то щемящее чувство. Передо мной сидел человек, который совершенно точно знал, ради чего он хочет жить и что для него на первом месте.

— Да никто же тебя не заставляет Венеру бросать, — сказал я. — Созвонись с Петровым-Чхве, объясни ситуацию. Он дядька не вредный. Да и причина у тебя вполне уважительная. А документы можно и почтой отправить, потом разберешься.

— Точно! — просиял Елисей, а потом посмотрел на меня. — А ты сам как? Ты тоже к нему переводишься, я правильно понял?

Где я буду к тому времени, когда мое заявление пригодится, я и сам пока не знал.

— Со мной все сложно, потом расскажу, — ответил я. — Ты давай за себя пока порешай, потому что у тебя семья, и карьеру строить надо, сам понимаешь. А науку я тебе, кстати, уже привез. Настоящую.

— Это какую? — насторожился Елисей.

— Сейчас увидишь. Заодно и показатели твои проверим. Бери списки, кто в какой комнате, пойдем по тумбочкам.

Так мы и пошли по комнатам. В каждой я садился рядом со стариком и просил показать все, что он пьет: и то, что назначил врач, и то, что дала соседка, и то, что дочка привезла из города, и витамины, и травки. Старики, кряхтя, лезли в тумбочки, доставали из-под подушек, из карманов халатов, из коробок из-под конфет. Лида педантично сверяла названия с районной картой, Елисей с листом пансионата, а я смотрел на упаковки, и Система говорила мне, что в них и что это вещество делает с конкретным человеком, которого я только что осмотрел.

Аделаида Петровна, ударница социалистического труда, сначала выставила Елисея в коридор и только потом открыла тумбочку. Внутри лежали аккуратно сложенные носовые платки, коробка конфет, «Эналаприл», который ей назначили еще в прошлом году, и упаковка, которой ни в карте, ни в листе не было.

— А это что, Аделаида Петровна? — спросил я.

Аделаида Петровна кивнула на соседнюю кровать.

— А это мне Клава дала. У меня по утрам голова кружится, а у Клавы от давления хорошие таблетки. Она говорит, ей помогают и мне помогут.

Повертев упаковку в руках, я запустил анализ схемы.

Компоненты в поле зрения:

— «Эналаприл» 10 мг в таблетке;

— «Нолипрел А»;

— «Периндоприл» 2,5 мг;

— «Индапамид» 0,625 мг в таблетке.

Совокупное действие схемы для данного организма: избыточное снижение артериального давления; риск повышения калия в крови.

— «Эналаприл» и «Периндоприл»: препараты одной группы; при совместном приеме усиливают снижение давления и нагрузку на почки.

— «Индапамид»: усиливает выведение натрия; при сочетании с двумя препаратами одной группы повышает риск обморока.

— Аделаида Петровна, у вас теперь две таблетки делают одну и ту же работу, — пояснил я. — Вместе они слишком сильно роняют давление, и голова от этого кружится только сильнее. Клавины больше не пейте. Елисей Богданович вам сегодня же давление померит, и решим, что оставить.

— Так Клава же говорила…

— Клава пьет только их, Аделаида Петровна, а вы вдобавок к своим.

— Скажете тоже, — недоверчиво протянула Аделаида Петровна, но Клавины таблетки отдала Лиде без спора.

— Узнай у Клавы, когда она дала Аделаиде Петровне первую таблетку, — сказал я, выйдя в коридор к Елисею. — И кого еще Клава лечила своими таблетками. Это важно.

— Узнаю, — расстроился Елисей. — Серег, это же у меня под носом…

— У меня тоже. Пиши ее к тем, кому лечение меняли.

Елисей тут же записал.

Встретив нас на пороге своей комнаты, Егор Саввич сразу потребовал объяснить, чего это молодой доктор шарит по чужим тумбочкам.

— Ядрен батон, Сергей Николаевич, я ж ничего не прячу! — возмутился он, высыпая на кровать свое хозяйство. — Вот они, пять штук, как вы мне зимой оставили. Едрить их под корень, раньше двенадцать было, а теперь пять, и ничего, живой!

Под подушкой у него нашелся еще и валидол.

— А это что, Егор Саввич?

— А это на всякий случай, — смутился он. — Вы ж его отменили, а мне спокойнее, когда он под подушкой. Я его не пью. Ну, почти.

— Ладно. Пусть лежит, — с усмешкой разрешил я. — Он вам ничего не сделает.

По районной карте первый анализ по программе у Егора Саввича взяли в декабре, еще при отборе, а в конце декабря я сократил ему схему и убрал среди прочего «Диклофенак». Второй анализ взяли в начале марта. Креатинин за это время снизился.

Очень хотелось записать это на счет программы. Только «Диклофенак» я отменил Егору Саввичу как раз между анализами, и отделить, что тут сделала программа, а что отмена таблеток, было уже нельзя. Так что в таблице для совета он пошел к тем, кому меняли лечение.

— Ну что, доктор, помолодел я? — бодро спросил Егор Саввич, собирая таблетки обратно.

— Почки у вас помолодели, Егор Саввич. С чем и поздравляю.

— Ой, спасибочки. А остальное?

— А остальное надо еще смотреть.

— Едрить, — разочарованно сказал он. — А я уже всему этажу похвастался.

У половины стариков таблетки были разложены по коробочкам с подписанными крышками, а на дверце тумбочки висело расписание. И почти ни одно такое расписание не совпадало ни с картой, ни с листом. Оно и понятно, ведь полку организовать гораздо проще, чем режим. Расставил, подписал, составил расписание — и уже чувствуешь себя человеком, который всерьез занялся здоровьем.

А загадочного Игнатова по прозвищу Трутень мы оставили напоследок. Он сидел у себя над шахматной доской и, когда мы вошли, даже фигуру из пальцев не выпустил.

— А, Сергей Николаевич! — обрадовался он хорошо поставленным голосом. — Слышал, слышал, вы сегодня тумбочки инспектируете. Мою можете не открывать. Там у меня сухари и очки запасные.

— И все-таки откройте, Аристарх Петрович.

Игнатов, демонстративно тяжко вздохнув, открыл. Таблеток там и правда не было.

— Ну и что вы со мной будете делать, Сергей Николаевич? — подмигнул Игнатов. — Таблеток не пью, а анализы, говорят, все лучше.

— Запишу вас отдельной строкой, Аристарх Петрович.

— Это почему же?

— Потому что мы вас ничем не лечили, вы у нас только анализы сдавали.

— А объяснение-то вы знаете, я вам про Пелагею говорил, хе-хе… — усмехнулся он. — Вот только в таблицу его не впишешь, да, доктор?

— Не впишешь… — хмыкнул я, но про Пелагею спорить не стал.

Сводить таблицу я сел в кабинете Елисея, пока они с Лидой мерили давление Аделаиде Петровне. Повторно мы обследовали шестнадцать человек из двадцати — четверо выбыли еще раньше.

Игнатова я действительно сразу вынес отдельной строкой. В районной карте за ним с января не числилось ни одного назначения, мы его ничем не лечили, он только сдавал анализы.

Из остальных пятнадцати у семи лечение за время программы меняли, и это подтверждала либо районная карта, либо упаковки в тумбочках, либо и то и другое. Улучшились анализы у шести из семи.

У пятерых лечение действительно не менялось, тут районная карта, пансионатский лист и тумбочка сошлись. Улучшение было у троих из пяти.

По троим сведений было совсем мало. Первым шел дедушка, у которого первый анализ взяли сразу после пневмонии. У одной старушки-веселушки в тумбочке нашлись таблетки без упаковок, и «Природа веществ» определила в них обычный анальгин, вот только когда и как часто она его пила, было непонятно, а она не помнила. Третьей была Зинаида Петровна. У дедушки и у бабушки с анальгином анализы стали лучше, а у Зинаиды Петровны гемоглобин за время программы упал.

Вместе с Игнатовым лучше стало двенадцати из шестнадцати, это и были те самые три четверти, которые мы с Марусей поставили в статью.

Выходило, что на счет программы можно записать троих из тех пяти, кому лечение не меняли. Я начал было это вносить в программу, но остановился.

В Москве я говорил Долматову, что, если таких стариков останется трое, все равно не узнаю, что им помогло. И вот их действительно трое, а я чуть не записал их программе в заслугу!

Стерев начатое, я написал только то, что видел. У троих из пяти показатели стали лучше при прежних назначениях, а помогла ли им программа, по пяти старикам определить я затруднялся.

Открыв «Сопоставление случаев», я внес все, что мы за день увидели. Система требовала держать в голове сразу всех шестнадцать, их анализы, даты, упаковки и записи, так что под конец у меня аж заломило виски.

Открыв Систему, я внес сегодняшние осмотры.

Сопоставление случаев. Промежуточный итог.

Личных наблюдений сохранено: 17. Повторных: 1.

Повторяющееся расхождение: принимаемые препараты не совпадают с записанными назначениями. Выявлено у 9 пациентов из 16.

Для проверки гипотезы требуется не менее трех личных наблюдений каждого пациента.

Очень удобный функционал у меня появился! Жалко только, что повторные наблюдения Системе нужны были мои собственные, а меня через несколько дней в Морках уже не будет. Значит, гипотеза в «Сопоставлении случаев» останется непроверенной, пока я не вернусь к этим старикам.

Но исследованию хватит и обычных осмотров, а их может вести другой врач. Открыв текст для совета, я вписал, что повторные наблюдения в отношении участников, которым лечение не меняли, продолжит Елисей Богданович Ротонос. Потом отыскал в этом тексте наши с Марусей три четверти и стер их, не дожидаясь, пока этого потребует совет.

Елисей вернулся, когда я как раз дописывал последнюю строку.

— Давление у Аделаиды Петровны девяносто на шестьдесят, — доложил он. — Клаву я тоже нашел, говорит, недели три как таблетками поделилась. Серег, ты как? Ты прям зеленый какой-то стал. Может, чаю сладкого сделать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.